

ИНСТИТУТ КРАСНОЙ ПРОФЕССУРЫ: ПРОБЛЕМЫ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА (1921–1923 гг.)

*Исследование проводилось при поддержке гранта Президента РФ, проект МК-688.2017.6
«Советская историческая наука в 1920–1930-е гг.: институциональный аспект».*

На материалах протоколов заседаний правления Института красной профессуры, хранящихся в фондах Государственного архива Российской Федерации, рассматривается история становления названной институции. Проанализированы три взаимосвязанных процесса: формирование управленческой структуры института, оформление его учебной работы и складывание материально-технической базы. Основной акцент делается на рассмотрении различных проблем, с которыми пришлось столкнуться Институту красной профессуры, и изучении способов их решения.

Ключевые слова: Институт красной профессуры; советское обществоведение; политика в области образования; советская историческая наука.

Институт красной профессуры (ИКП) принадлежит к числу немногих советских научных и образовательных учреждений «коммунистического сектора», традиционно вызывающих интерес у историков науки и историографов. Последние внесли значительный вклад в изучение различных аспектов его деятельности, подвергнув анализу причины и обстоятельства его возникновения, сложившуюся организационную структуру, кадровый состав и содержание учебного процесса [1–6].

В рамках настоящей статьи мы несколько изменим угол зрения и предпримем попытку изучить этап институционализации ИКП, акцентировав внимание на анализе сопутствующих ему трудностей. Методологической опорой для нас станут разработки отечественных социологов, полагающих, что любой институт (понимаемый в самом широком смысле) проходит в своем развитии несколько основных этапов: доинституциональный, когда происходит возникновение нового социального явления и выполнение функций зависит от конкретного человека; институционализация, связанная с уменьшением роли личности и завершением формирования функциональных компонентов социального явления; институциональный, характеризующийся тем, что институт уже легитимен, устойчив и сам оказывает влияние на социальную жизнь; и, наконец, этап деинституционализации, предполагающий потерю институтом своей легитимности [7].

Источниковую базу исследования составили протоколы заседаний правления ИКП, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации [8]. Эвристический потенциал данных текстов довольно высок. Учитывая, что заседания собирались не реже одного раза в одну – две недели (всего за интересующий нас период состоялось 62 заседания) и были посвящены самым разным вопросам деятельности создаваемого центра, мы считаем возможным полагать, что в протоколах нашли отражение неотложные и насущные проблемы вновь организуемого института. Данный факт также подтверждает анализ вопросов, стоящих на повестке дня. В первую очередь, речь идет об организации учебного процесса и административно-хозяйственной части, формировании штата сотрудников. К тому же в рамках нормативных документов,

принятых в ИКП, решения заседаний Правления обладают высшей юридической силой, а иные делопроизводственные материалы образовательного центра (распоряжения и приказы, протоколы заседаний старост и предметных комиссий) являются производными от них, дополняя или обеспечивая их исполнение.

«Точкой отсчета» в создании ИКП и начале доинституционального этапа его истории, принято считать работу Комиссии по реорганизации преподавания общественных наук в вузах или, как ее нередко называли, «комиссии Ротштейна» [2. С. 98; 9. С. 20]. Она была организована в ноябре 1920 г. при Совете народных комиссаров с целью разработки плана коренной перестройки всей системы преподавания гуманитарных и общественных наук в вузах страны.

Особое место в ее работе занимала проблема подготовки кадров преподавателей-марксистов, способных заменить на университетских кафедрах «буржуазных профессоров». «Не может быть и речи о преобразовании в преподавании общественных наук, пока на местах старый преподавательский персонал с полной возможностью для него “плодиться и множиться”» – объяснял внимание представителей комиссии к кадровому вопросу М.Н. Покровский [10. С. 5].

Выход из сложившейся ситуации члены комиссии видели, во-первых, в концентрации «на преподавательской работе марксистско-подготовленных партийных кадров» и, во-вторых, в «немедленной подготовке своей профессуры из коммунистической и пролетарской молодежи» [9. С. 20]. Для реализации последней из названных задач специальным постановлением СНК от 11 февраля 1921 г. и было предписано открыть в Москве и Петрограде институты красной профессуры, призванные стать «кузницами» для подготовки новых профессоров, готовых к преподаванию в высших школах Республики теоретической экономии, исторического материализма, развития общественных форм, новейшей истории и советского строительства» [11. Л. 1].

Отныне, как в дальнейшем не раз подчеркивали советские ученые, на смену субъективному способу отбора кандидатов в будущие профессора, характерному для дореволюционной практики «оставления», пришла новая практика «взращивания» научной сме-

ны, отвечающая потребностям подготовки большевистских научных кадров [9. С. 20].

Однако вопреки решению СНК, открытие институтов красной профессуры сразу в двух «столицах» оказалось невозможно: не было достаточного количества квалифицированных преподавателей-марксистов. Именно поэтому, благодаря усилиям М. Н. Покровского, ИКП был открыт только в Москве в октябре 1921 г. Этому событию предшествовала работа специальной комиссии, в чью задачу, как указывает Л.А. Козлова, входили «создание органов управления ИКП, определение тематики занятий, составление списков преподавателей и решение других аналогичных вопросов» [2. С. 100]. Именно ее деятельность, на наш взгляд, положила начало *институциональному строительству* ИКП, завершившемуся только в 1923 г. после официального принятия устава института и окончательного утверждения учебного плана. Причем, несмотря на ожидания социологов, настаивающих на снижении роли личности при переходе от доинституционального к институциональному этапу в развитии того или иного института, создание ИКП было невозможно без активного участия М.Н. Покровского, подтверждением чему является хотя бы тот факт, что он пропустил всего четыре заседания правления, тогда как другие «красные профессора» присутствовали на них куда реже (Ш.М. Дволайцкий посетил 30 заседаний из 62, С.В. Членов – 24, А.Д. Удальцов – 22, В.Я. Каплинский – 19, Д. Кузовков – 14). В целом формирование институционального фундамента ИКП происходило в следующих основных направлениях: складывание системы управления институтом, организация учебного процесса и решение вопросов административно-хозяйственного характера.

Говоря о *формировании системы управления ИКП*, укажем, что она мало чем отличалась от аналогичных структур других советских учебных заведений того времени и состояла из нескольких уровней. Контролирующей инстанцией, осуществлявшей в отношении ИКП «общее наблюдение», выступал Наркомпрос [13. Л. 117–120 об.]. Высшим органом управления институтом являлось правление, отвечавшее за его работу и направлявшее его учебную и хозяйственную деятельность [8. Л. 79]. Первый состав правления был утвержден в сентябре 1921 г., он включал в себя председателя, им стал М.Н. Покровский, председателя научно-политической секции ГУСа (В.Я. Каплинский), двух представителей от профессуры института (Н.М. Лукин и Д.В. Кузовкин) и двух представителей от слушателей (в первом составе правления от слушателей был лишь будущий украинский философ-марксист В. Юринец [Там же. Л. 10].

В таком составе правление проработало два года, затем, в связи с принятием устава ИКП, число его членов было увеличено за счет появления должности заведующего институтом, или заместителя председателя (первоначально ее занял Д.В. Кузовкин, затем – С.В. Членов [Там же. Л. 32]) и секретаря правления. Устав же зафиксировал и процедуру формирования правления, ранее до конца не определенную. Так, в частности, кандидатуру председателя должна была

предлагать политическая секция ГУСа, а утверждать – коллегия Наркомпроса.

Второе направление институционального строительства ИКП было связано с *организацией учебного процесса*. Основные сложности в данном случае были связаны с отсутствием «марксистски подготовленных» преподавателей, способных стать наставниками для икапистов, воспринимавших себя в качестве «будущих борцов за коммунизм». И хотя в числе первых сотрудников ИКП были известные специалисты того времени, далеко не все они могли похвастаться «марксистским» и тем более «коммунистическим» прошлым [2. С. 100–101; 8. Л. 96–100 об.]. Недаром десятилетие спустя Т. Дубыня и А.М. Панкратова вспоминали, что «измученные в ожидании руководителей-коммунистов слушатели требовали дать им хотя бы советски близких профессоров, идущих к марксизму» и были готовы «брать у них то, что они могли дать», даже изучать историю Греции и Рима у П.Ф. Преображенского [9. С. 21]. Основная причина такого положения заключалась в том, что в связи с развитием сети коммунистических научно-образовательных учреждений резко возрос спрос на преподавателей-марксистов, но удовлетворить его было просто нечем. «Если даже под «метелку» наскрести все наличные преподавательские силы партии в Москве, – сетовал в 1922 г. М.Н. Покровский, – наберется самое большое на два высших учебных заведения: скажем, институт красной профессуры, куда можно было бы собрать наиболее крупных теоретиков, и университет Свердловский, который мог бы обслуживаться силами среднего калибра. А на шесть университетов, разумеется, в Москве профессорско-коммунистов не наберется» [10. С. 10].

В результате между отдельными институтами началась настоящая борьба за кадры, отголоски которой мы находим и в материалах протоколов ИКП. Так, в частности, на одном из первых заседаний института рассматривалось заявление В.И. Невского, тогдашнего ректора Коммунистического университета им. Я.М. Свердлова, выражавшего серьезные опасения относительно того, что «участие преподавателей университета в работах ИКП отразится на ходе занятий университета» [8. Л. 4]. М.Н. Покровский тогда заверил его в том, что он и его коллеги будут исправно выполнять свою работу в двух учреждениях одновременно. Однако последующий опыт совместительства, широко практикуемый в 1920-е гг. многими преподавателями, показал бесплодность подобных попыток, зачастую приводивших к срыву учебного процесса.

Вторая проблема, остро стоявшая перед правлением ИКП в период становления учебной работы данного учреждения, заключалась в сложностях набора слушателей. Весной 1921 г. Совет труда и обороны определил максимально возможное число студентов института в количестве 300 человек, которые по объемам снабжения приравнивались к учащимся военно-учебных заведений [14. Л. 2]. Однако, несмотря на столь серьезную привилегию, в 1921 г. в ИКП обучалось всего 105 слушателей, а в 1922 г. – 151 [15. С. 214]. Отсутствие достаточного количества слуша-

телей опять-таки объясняется конкуренцией, развернувшейся за будущих студентов между различными советскими учебными центрами. ИКП, в частности, пришлось конкурировать с курсами по изучению теории и практики марксизма, открытыми при Институте К. Маркса и Ф. Энгельса (ИМЭ). Для разрешения возникшего спора была даже создана специальная Комиссия по перераспределению слушателей, которая предложила решить возникшую проблему путем разграничения сферы деятельности названных учреждений. Отныне ИКП должен был готовить «преподавателей и профессоров марксистов по общественно-политическим дисциплинам», а курсы марксизма при ИМЭ – сосредоточиться на выпуске «партийных работников с повышенным марксистским образованием» [16. Л. 9].

Несмотря на то что прием слушателей в ИКП осуществляла специально созданная мандатная комиссия, источники не содержат информации о ее деятельности вплоть до 13 февраля 1923 г., когда члены правления утвердили порядок ее работы [8. Л. 75]. Одновременно правлением ИКП были приняты условия приема слушателей на 1923/24 учебный год, содержавшие требования к будущим студентам и правила организации их набора. Так, новыми правилами были установлены возрастные (не моложе 20 лет) и партийные (не менее 3 лет) «цензы», определена трехступенчатая процедура принятия новых слушателей (подача и рассмотрение заявления с указанием темы пробной работы – подготовка пробной работы – сдача коллоквиума с целью проверки минимума «марксистских» знаний по теоретической экономике, философии, русской и всеобщей истории), оговорены сроки представления необходимых документов, тогда как ранее желающие могли присоединиться к учебному процессу в течение года, достаточно было постановления ИКП [8. Л. 14, 20, 38, 62] (сведения о новых условиях приема в ИКП распространялись через партийные структуры на местах; соответствующий документ, к примеру, был обнаружен нами в Историческом архиве Омской области [20. Л. 14]). Все это, безусловно, можно рассматривать в качестве элементов институционального строительства, обеспечивших формализацию важнейших «производственных процессов», протекавших в ИКП.

Отсутствие строгих правил приема в первые годы существования ИКП дополнялось отсутствием четко разработанных планов и программ преподаваемых дисциплин, утверждаемых лишь накануне начала триместра. Как свидетельствуют протоколы заседаний правления, план на первый триместр 1921/22 учебного года, начинавшийся в октябре, был утвержден в начале сентября, а второго, объединенного с третьим, – 30 декабря [8. Л. 10, 25]. Только в мае 1922 г. правление обязало составить учебные программы по каждой специальности, а через месяц утвердило представленные образцы. Основной формой учебной работы икапистов в 1921–1923 гг. являлись семинары, выстроенные вокруг обсуждения подготовленных слушателями докладов, и только некоторые дисциплины предполагали обязательное чтение лекций [Там же. Л. 46 об.]. Нехватка преподавателей

нередко приводила к «укрупнению» учебных групп, число участников которых могло достигать 38 человек [8. Л. 96–100 об.]. Огромное место в деятельности ИКП в этот период занимала организация практической работы слушателей, предполагавшая «преподавание в партийных школах, руководство марксистскими кружками на предприятиях, агитационные выступления» [4. С. 161]. Соответствуя требованиям времени, она, однако, не могла не оказывать негативное воздействие на качество образования, получаемого в ИКП, способствуя росту академической задолженности икапистов [Там же].

Немаловажным элементом в деле становления учебного процесса в ИКП также было утверждение системы оценивания слушателей, которые в течение триместра должны были подготовить два доклада по тематике своего семинария и хотя бы один раз выступить в обсуждении темы товарища. Так как дореволюционная экзаменационная система была упразднена еще в 1918 г., то в январе 1922 г. в институте было предложено оценивать деятельность каждого студента в соответствии со следующей шкалой. Наиболее добросовестных учащихся относили в первую категорию – допущенных к занятиям во II триместре (5 человек), вторую категорию составляли лица, допущенные с условием подготовки еще одного доклада (9 человек), третью – студенты, «допущенные условно», о них предполагалось «иметь суждение после II триместра» (3 человека), четвертую – лица, чье пребывание в стенах ИКП требовалось рассмотреть Комиссией по проверке состава (2 человека), пятую – выбывшие и «недостаточно ценные» студенты (6 человек) и, наконец, шестую – слушатели, чья судьба пока оставалась нерешенной (1 человек) [8. Л. 29–31]. Столь громоздкая и неудобная градация была заменена правлением в июне 1923 г., когда, по предложению М.Н. Покровского, в ИКП была введена трехступенчатая система оценок, предполагавшая деление слушателей на три категории: «...первые – те, из которых вырабатываются преподаватели вуза, вторая (средняя) – преподаватели Губсовпартишкол и третья – ниже средней – подлежащие исключению» [Там же. Л. 96]. Являясь безусловным элементом формализации учебного процесса, названная система оценивания, однако, использовалась преимущественно самим М.Н. Покровским, тогда как остальные профессора то и дело отходили от нее, нередко ограничиваясь указанием индивидуальных характеристик студентов. Так, на одном из заседаний правления, отчитываясь о работе слушателей философского семинара, Л.И. Аксельрод давала следующие оценки: «даровитый», «способный», «тупой» или «тяжкодум, но человек серьезный, вдумчивый, работает усердно», «думает туго, но работает с большой настойчивостью» [Там же. Л. 99–100]. По результатам представленных преподавателями отчетов 20 июня 1923 г. состоялось заседание Комиссии по академической чистке, призванной решить вопрос об отчислении слушателей [8. Л. 101–102 об.]. В целом было решено исключить 25 студентов, основными причинами для этого стали: неспособность к научной работе (14 человек), пассивность и недостаточная активность (4 человека), пси-

хические отклонения (2 человека), отсутствие марксистского мировоззрения (2 человека), недостаточное участие в работе ИКП (2 человека), отрицательная характеристика в партийно-этическом отношении (1 человек). Иногда первоначальное решение об исключении отменялось ввиду особых обстоятельств, к примеру, из-за «значительного революционного стажа» студента, которому давали шанс остаться еще на один триместр в ИКП или переводили в Коммунистический университет им. Я.М. Свердлова. Заметим, что помимо негативных санкций для учащихся института были созданы и средства поощрения. «Академическим пряником» являлась публикация докладов, подготовленных в семинариях наиболее выдающимися студентами [8. Л. 22].

Последним направлением институционализации ИКП стала организация *его административно-хозяйственной деятельности*. В этой сфере ИКП испытывал, в первую очередь, трудности финансового порядка. Как и многие другие учебные заведения того времени, институт находился в состоянии хронического дефицита денежных средств, вызванного как сокращением реальных выплат, существенно отличавшихся от запланированных сметами, так и постоянно возрастающими тратами. Что касается последних, то в рассматриваемый нами период они были связаны, главным образом, с расходами на содержание и переоборудование нового здания на Остоженке, оцененные в 100 тыс. довоенных рублей. Напомним, что первым пристанищем ИКП стал Страстной монастырь, занятия в кельях которого были неудобны для слушателей, поэтому в марте 1922 г. правление постановило: «Ввиду предстоящего приема новых слушателей, поднять в соответствующих инстанциях вопрос о передаче... здания Наркомпроса на Остоженке 53» [Там же. Л. 37]. Однако за здание на Остоженке (бывший Московский Императорский лицей в память Цесаревича Николая, или Катковский лицей) пришлось еще побороться, поскольку его «незаконно занял» Хамовнический совет города Москвы. В связи с этим правление постановило обжаловать дело в Президиуме ВЦИК, а также выделить средства на предстоящий ремонт, одновременно, ввиду тяжелого финансового положения, было решено предложить институту советского права, курсам марксизма и ФОНу часть помещения на условии совместного содержания [Там же. Л. 41]. В апреле стало известно, что Моссовет опротестовал договор о помещении на Остоженке, дом № 53, и руководство ИКП решило «перенести дело в Малый Совнарком, а в случае неблагоприятного решения – в Народный суд» [Там же. Л. 40]. В мае того же года ИКП праздновал победу в разразившемся споре и уже в следующем 1923 г. претендовал еще на один дом для использования его как общежития.

Не меньшие расходы институт нес на содержание административно-хозяйственного персонала. В декабре 1921 г. таковых в ИКП насчитывалось 40 человек, цифра достаточно значительная и, по оценкам членов правления, требующая обязательного сокращения. Однако в мае 1922 г. вместо ожидаемого сокращения, напротив, наблюдалось увеличение коли-

чества сотрудников административно-хозяйственной части. В ИКП, в частности, появились «1 помощник коменданта (он же смотритель здания), 1 электромонтер, 1 слесарь, 1 водопроводчик, 1 привратник, 3 швейцара, 1 ночной сторож, 1 уборщица» [8. Л. 41]. Даже в условиях нехватки финансирования, очевидно, обойтись без водопроводчика, слесаря, электрика невозможно ни одному учреждению, но необходимость сразу в трех швейцарах вызывает как минимум недоумение. Можно предположить, что это является проявлением «институциональной памяти», унаследованной от дореволюционной России, когда посетителей государственных учреждений встречали привратники у ворот и швейцары у дверей. Осенью того же года снова произошли изменения в штате, которые были вызваны «наступлением зимнего сезона и переселением части слушателей из главного корпуса во флигеля». Предлагалось увеличить с двух до четырех истопников и с семи до девяти уборщиц, так как «центральное отопление обслуживается котлами, находящимися в разных помещениях (всего 2 котельные), причем на каждую котельную требуется минимум 2 истопника, так как топка происходит 2 раза в день: утром и вечером и каждая топка продолжается от 6 до 7 часов, таким образом на обслуживание каждой котельной в день требуется 14 рабочих часов плюс 2–3 часа на подноску и колку дров» [Там же. Л. 44]. Интересно обоснование необходимости дополнительного дворника, которое, с одной стороны, было связано с наступающей зимой, а с другой – диктовалось постановлением Президиума Моссовета, предполагавшего использование дворника для специальных целей по делам милиции [Там же].

Тактика решения финансовых проблем у руководства ИКП была одна – «просить о скорейшем проведении во всех инстанциях сметы института на январь – сентябрь сего года, исчисленной финчастью Главнауки в общей сумме 179 960 довоенных рублей, и в немедленном отпуске денежных средств, как недоданных институту за первую четверть, так и на содержание института во второй четверти (апрель – июнь) текущего года» [Там же. Л. 38]. Несмотря на то что большинство подобных просьб решалось в пользу ИКП, находившемся на особом счету, в условиях гиперинфляции и быстрого обесценивания денег даже дополнительное финансирование оказалось неспособным решить возникающие проблемы. В результате, как и во всей стране, в ИКП постепенно началось «бегство от денег», заменяемых пайками, которых, впрочем, также не всегда хватало. В декабре 1921 г. обсуждению ситуации с пайками было посвящено одно из заседаний правления. Было указано, что в распоряжении ИКП было предоставлено 100 «академических пайков», которые «поступают на удовлетворение слушателей и преподавателей и 23 ответственных работников администрации», а также 100 «иждивенских пайков», из них 45 забронировать семьями слушателей, 45 – за администрацией, оставшиеся 10 считать маневренным фондом преимущественно для нужд администрации» [Там же. Л. 20]. Помимо введения системы пайков, «бегство от денег» нашло свое выражение в предоставлении сотрудни-

кам и слушателям ИКП путевок в санатории и на курорты страны. Так, уже в марте 1922 г. впервые возник вопрос об организации отдыха слушателей. Институт не имел собственного санатория, поэтому вынужден был договариваться с другими учреждениями. В частности, планировалось забронировать 5–6 мест в санатории Наркопроса [8. Л. 37], 30 мест «просить» у ЦК и «до начала каникул предоставлять... по мере надобности большим» [Там же. Л. 38]. В следующем 1923 г. обсуждался вопрос об организации сразу двух собственных площадок для отдыха: в Крыму и в Подмоскowie («для семейных»). Любопытно, что решением было решено не направлять в санатории слушателей из провинции, так как «это совершенно дезорганизует академическую работу» [Там же. Л. 74]. Было бы несколько опрометчиво усматривать здесь дискриминацию провинциалов. Скорее, речь шла о невозможности терять время на длительное путешествие слушателям «издалека», которые, с большой долей вероятности, не смогут совместить отдых с поездкой на малую Родину и, следовательно, опоздают к началу занятий. Еще одной формой организации «каникулярного времени» учащихся ИКП должны были стать заграничные командировки. Недаром в первой

половине 1923 г. этот вопрос неоднократно обсуждался на заседаниях правления. Сначала было решено «просить ЦК предоставить вместо 10 шестимесячных командировок, 20 трехмесячных по норме Главнауки» [8. Л. 84]. Однако в итоге восьмимесячную заграничную командировку «для изучения мировой конъюнктуры с конца 19 века до начала войны 14 года» получили только несколько слушателей повышенного семинария экономистов [Там же. Л. 107].

Подводя итог сказанному, укажем, что этап институционализации ИКП как нового научно-образовательного центра проходил в нескольких взаимосвязанных между собой направлениях: организации системы управления, учебной работы и административно-хозяйственной структуры. В каждой сфере ИКП испытывал трудности, вызванные внешними и внутренними причинами, преодолевая которые, формировалась институциональная структура учреждения, включающая не только органы управления или штат работников, но и внутренние правила их функционирования, находившиеся в интересующий нас период в стадии становления, а потому испытывавшие на себе серьезное воздействие личностного фактора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Соловей В.Д. Институт красной профессуры: подготовка кадров историков партии в 20–30-е гг. // Вопросы истории КПСС. 1990. № 12. С. 87–98.
2. Козлова Л.А. Институт красной профессуры (1921–1938): историографический очерк // Социологический журнал. 1994. № 1. С. 96–112.
3. Берендт Л.Д. Институт красной профессуры: «кузница кадров» советской партийной интеллигенции (1921–1938) // За «железным занавесом»: мифы и реалии советской науки. СПб.: Дмитрий Буланин, 2002. С. 166–197.
4. Никуленкова Е.В. Структура и руководство Института красной профессуры в 1920-е гг. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2015. Т. 4, № 3. С. 158–164.
5. Никуленкова Е.В. Историческое отделение Института красной профессуры в 1920-е гг. // Новейшая история России. 2014. № 1. С. 108–123.
6. Гришаев О.В. Становление Института красной профессуры // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2001. № 7, ч. 3. С. 52–54.
7. Павенкова М.В. Институт и институциональность как социологические категории // Вестник СПбГУ. Серия 6. 2001. № 3. URL: http://socioline.ru/_seminar/predmet/om/s_institutes.pdf.
8. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. Р-5284. Оп. 1. Д. 2.
9. Дубыня Т., Панкратова А. Десять лет Института красной профессуры // Борьба классов. 1931. № 8–9. С. 17–30.
10. Покровский М.Н. Институт красной профессуры (к первой годовщине) // Труды Института красной профессуры. Т. 1: Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921–1922 гг. (1 курс). М., 1923. С. 5–10.
11. Архив Российской академии наук. Ф. 453. Оп. 3. Д. 15.
12. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 64.
13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 60.
14. ГАРФ. Р- 5284. Оп. 1. Д. 1.
15. Никуленкова Е.В. Институт красной профессуры: структура и организация учебного процесса // Петербургская историческая школа: Альманах: Приложение к журналу для ученых «Клио» / под ред. С.Н. Полторака. СПб.: Нестор, 2004. С. 414–424.
16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 65.
17. Мосолов В.Г. ИМЭЛ – цитадель партийной ортодоксии: из истории Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, 1921–1956. М., 2010.
18. Труды Института красной профессуры. Т. 1: Работы семинариев философского, экономического и исторического за 1921–1922 гг. (1 курс). М., 1923.
19. Шапошников К.П. Объединенная библиотека Института красной профессуры (по архивным материалам) // Чертковские чтения: сб. материалов Третьей международной научной конференции. М., 2015. С. 184–200.
20. Исторический архив Омской области. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 415.

Статья представлена научной редакцией «История» 20 сентября 2017 г.

THE INSTITUTE OF RED PROFESSORS: THE PROBLEMS OF INSTITUTION BUILDING (1921–1923)

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2018, 426, 82–87.

DOI: 10.17223/15617793/426/9

Viktoriya S. Gruzdinskaya, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: vik11910314@yandex.ru

Olga V. Metel, Omsk State University (Omsk, Russian Federation). E-mail: olgаметел@yandex.ru

Keywords: Institute of Red Professors; Soviet science; politics in education; Soviet historical science.

The aim of this paper is to explore the formation of the Institute of Red Professors in 1921–1923. The October revolution of 1917 and the subsequent restructuring of the social sphere radically influenced the whole education system. In 1921 the Institute of Red

Professors was founded. To reveal the features of this process the authors of the present article paid attention to the analysis of the difficulties which the new educational center was experiencing. The methodological principle of the paper is results of sociological studies. According to them, development of any institution (in the broadest sense) consists of several stages. The first one is the constitutional stage when a new social phenomenon appears and its functioning depends on a certain person. The next stage is institutionalization that is characterized by the reduction of the role of a certain person and the end of the formation of its functioning. This is followed by the institutional stage when an institution is legitimate and affects the society. The end of the institution development is deinstitutionalization, which means the institution loses its legitimacy. The sources of this paper are the protocols of meetings of the Institute of Red Professors administration which are stored in the State Archive of the Russian Federation. The high level of the heuristic potential of these sources is determined by the following factors: periodicity of meetings (once in one or two weeks); issues on the agenda (from educational process organization to operational problems solution); protocols have the highest legal force in the hierarchy of the Institute's normative acts (others complement or implement them). The authors reveal related aspects of the institution building of the Institute of Red Professors: administration system formation, education process organization, operational problems solution. In the present paper the major problems were determined in each sphere. To conclude, the authors point out that the difficulties determined the features of activities of the Institute. Furthermore, the research shows that overcoming them influenced the formation of the staff, the administration and the internal rules. The authors emphasize that M.N. Pokrovsky, who was the chairman of the board, exerted influence on the institutional development of the Institute of Red Professors, contrary to the sociological theory.

REFERENCES

1. Solovey, V.D. (1990) Institut krasnoy professury: podgotovka kadrov istorikov partii v 20–30-e gg. [Institute of Red Professors: training of historians of the party in the '20s and '30s]. *Voprosy istorii KPSS*. 12. pp. 87–98.
2. Kozlova, L.A. (1994) Institut krasnoy professury (1921–1938): istoriograficheskiy ocherk [Institute of Red Professors (1921–1938): a historiographical sketch]. *Sotsiologicheskii zhurnal*. 1. pp. 96–112.
3. Berendt, L.D. (2002) Institut krasnoy professury: “kuznitsa kadrov” sovetskoy partiynoy intelligentsii (1921–1938) [Institute of Red Professors: “Forge of Cadres” of the Soviet party intelligentsia (1921–1938)]. In: Heinemann, M. & Kolchinskiy, E.I. (eds) *Za “zheleznyy zavesom”*: mify i realii sovetskoy nauki [Behind the Iron Curtain: myths and realities of Soviet science]. St. Petersburg: Dmitriy Bulanin.
4. Nikulenkova, E.V. (2015) The structure and management of the Institute of Red Professors in 1920s. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina – Vestnik of Pushkin Leningrad State University*. 4:3. pp. 158–164. (In Russian).
5. Nikulenkova, E.V. (2014) The History Department of the Institute of Red Professors in the 1920s. *Noveyshaya istoriya Rossii – Modern History of Russia*. 1. pp. 108–123. (In Russian).
6. Grishaev, O.V. (2001) Stanovlenie Instituta krasnoy professury [Formation of the Institute of Red Professors]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki – Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*. 7:3. pp. 52–54.
7. Pavenkova, M.V. (2001) Institut i institutsional'nost' kak sotsiologicheskie kategorii [Institute and institutionalism as sociological categories]. *Vestnik SpbGU. Seriya 6 – Vestnik of Saint Petersburg University. Series 6*. [Online] Available from: http://socioline.ru/_seminar/predmet/om/s_institutes.pdf.
8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-5284. List 1. File 2. (In Russian).
9. Dubynya, T. & Pankratova, A. (1931) Desyat' let Instituta krasnoy professury [Ten years of the Institute of Red Professors]. *Bor'ba klassov*. 8–9. pp. 17–30.
10. Pokrovskiy, M.N. (1923) Institut krasnoy professury (k pervoy godovshchine) [Institute of Red Professors (to the first anniversary)]. In: Pokrovskiy, M.N. (ed.) *Trudy Instituta krasnoy professury* [Proceedings of the Institute of Red Professors]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo.
11. Archive of the Russian Academy of Sciences. Fund 453. List 3. File 15. (In Russian).
12. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 60. File 64. (In Russian).
13. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 60. File 60. (In Russian).
14. State Archive of the Russian Federation (GARF). R- 5284. List 1. File 1. (In Russian).
15. Nikulenkova, E.V. (2004) Institut krasnoy professury: struktura i organizatsiya uchebnogo protsessa [Institute of Red Professors: structure and organization of the educational process]. In: Poltorak, S.N. (ed.) *Peterburgskaya istoricheskaya shkola: Al'manakh: Prilozhenie k zhurnalu dlya uchenykh “Klio”* [Petersburg Historical School: Almanac: Supplement to the journal for scientists “Cleo”]. St. Petersburg: Nestor.
16. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 60. File 65. (In Russian).
17. Mosolov, V.G. (2010) *IMEL – tsitadel' partiynoy ortodoksii: iz istorii Instituta marksizma-leninizma pri TsK KPSS, 1921–1956* [The Marx–Engels–Lenin Institute, the citadel of party orthodoxy: from the history of the Institute of Marxism-Leninism under the CPSU Central Committee, 1921–1956]. Moscow: Novyy khronograf.
18. Pokrovskiy, M.N. (ed.) (1923) *Trudy Instituta krasnoy professury* [Proceedings of the Institute of Red Professors]. Vol. 1. Moscow: Gos. izd-vo.
19. Shaposhnikov, K.P. (2015) [The United Library of the Institutes of Red Professors (on archival materials)]. *Chertkovskie chteniya* [Chertkov Readings]. Proceedings of the third international conference. Moscow: Izd-vo Gos. publichnoy ist. b-ka Rossii. pp. 184–200. (In Russian).
20. Historical Archive of Omsk Oblast. Fund P-1. List 4. File 415. (In Russian).

Received: 20 September 2017